

Золотарев Л.М.

Синие страны

Мы с Гошкой взяли, да и приехали в совсем незнакомую деревеньку. Просто так, ни к кому. Отдохнуть, Пришли, поставили вещи у колодезного журавля, а какая-то бабушка нас к себе и позвала. Крыша, сказала, над головой не течёт, молока коровка пока что даёт, луку на грядках хватает — живите, коли понравится.

И как не понравиться? Деревенька-то вся в лесу. А в доме чисто, пол деревянный — как яичный желток, весь выскобленный. И по полу раскидана трава, зелёные ветки — мёдом пахнет.

Вот и стали мы жить. Два дня жили всласть, а на третий завелась у нас грусть. Ни сон тебе, ни еда. Так плохо, так плохо без мамы. Наведалась бы, что ли, письмо хотя бы прислала...

От дома до леса рукою подать. Если проснуться среди ночи, через окно слышно, как шумят, ведут разговоры дубы. Где-то там живут птички-синички...

Целый день Гошка ходил серьёзный по комнате, смотрел на темнеющий лес, на дорогу, которая уходила на станцию, и всё думал, шевелил о чём-то губами. О чём? Конечно, о птичках-синичках, которые вот уж два утра прилетали к нам под окошко, а сегодня почему-то не прилетели. «Какие они — эти синички? Куда улетаются? Зачем?..»

И вот, когда я тронул его за плечо, он поднял глаза на меня, тихо спросил:

— Пап, а синички синие?

— Синие, Гошка, синие.

— А почему они синие?

— А потому что там, где живут они, всё синее-синее. Ты не горюй, они улетели к себе... в синие страны. Им там сейчас хорошо.

— Уйдём и мы с тобой в синие страны, уйдём?

Тут к нам во двор подкатила на велосипеде почтальонка Дуняша, привезла телеграмму. А от кого телеграмма — про то я Гошке, ничего не сказал. Схватил его, подкинул вверх раз да другой, поставил наземь, расхохотался:

— А почему ты, такой-сякой человечешко, грустный, когда у нас завтра праздник?!

Гошка посмотрел на меня и укоризненно покачал головой:

— Всё ты, папка, смеёшься.

— Я не смеюсь, — сказал я и улыбнулся — Просто видишь вот: телеграмма. Синички зовут нас к себе в синие страны.

— Ой ли? Разве же у синичек есть почта? А ну, покажи телеграмму.

Я показал. Начальник почты был, наверно, человек замечательный: знал, чего хочется Гошке.

— Ага, — прочитал Гошка сверху печатное. — Ага, телеграм-ма.

С утра мы с Гошкой двинулись в путь. Сначала тропинка была нам знакома. Здесь мы гуляли, даже играли в разведчики. Здесь вот, под этой дуплистой ветлой, ели недавно щавель. За ветлой встретилось ещё одно знакомое дерево — старый-престарый клён.

Дальше Гошке всё было уже незнакомо. Мы шли березняком. Ближе к полянам и рубашки, и руки, и лица наши светлели, и Гошка всё спрашивал, почему кругом так светло, будто кто-то обернул деревья бумагой.

— Стой, — произнес я торжественно. — Видишь? Здесь начинаются синие страны.

— Где, где начинаются?

— Гляди, — и я, смеясь, кинул в куст бузины привезённую когда-то из Евпатории морскую ракушку. И сейчас же там, где упала она, что-то зазвенело, запело тонко-тонко, как птичка. Мы с Гошкой пошли на звук, раздвинули куст: у его корней пела вода. Чистая

струйка выбегала из пустой бузиновой палочки, воткнутой во мшистую кочку; омывая ракушку морскую, падала в сбитую кружку; выплёскиваясь, синей лентой убегала далеко-далеко, наверное, к синему морю. Гошка притих: все было в точности, как в настоящих волшебных странах. Оставалось только нагнуться за кружкой, которую приладил здесь какой-то мудрый человек для таких, как мы с Гошкой, и пить, пить холодную, вкусную воду. Мы сделали по глотку, переглянулись — разом подумали о нашей маме, пожалели, что у неё отпуск осенью и она, конечно, снова поедет на юг и потому не отведаёт чудесной лесной воды.

— Видишь? Это птичьи следы,— сказал я как можно спокойнее и показал Гошке на влажную землю.— Здесь пьют синички.

Гошка молчал, а его хитрющие глаза говорили: «А вот и нет. Здесь, гляди, бродили слоны. А мы с тобой следопыты. А говорливый ручей — не ручей. Это большая река, которая течёт к океану». Гошка снял с головы свёрнутую из газеты пилотку и положил её на воду: чем не корабль? «Река» понесла его, покачивая борта с крупными буквами, из которых составлены были слова «люди», «счастье», «земля», «солнце».

Берега становились всё шире. Впереди ожидалась мели и бездны, ураганные ветры и пиратские пули. Мы прибавили ходу — корабль явно несло в океан.

— Смотри-ка,—оторопел я, заметив у самой воды неожиданный-негаданный гриб. То был лесной великан.

— Такие грибы не бывают,— обиделся Гошка, оттого что не первый увидел его.

— А вот и бывают.

Я поднял нашу находку и щёлкнул по тугой ножке пальцем: обабок загудел низко и глухо, в синеватой шляпке закачалась серебристая капля.

— Пей,— подал я Гошке грибную шляпу, и он утонул в ней по самые уши. Наконец, он поднял на меня глаза. «Ах, как вкусно,— говорили они. — Если б ты знал, как это вкусно». — «Я знаю, малыш, это волшебные капли. В синих странах, малыш, всё волшебное».

— Идём! — подал я руку ему и увлёл за собой.

Закатав штаны, мы шлёпали по ручью за бумажным корабликом и совсем не заметили, как очутились в овраге. На нас навалились деревья — гудели, закрыв макушками небо. Пахло гнилью. По сторонам торчали корни, похожие на цепкие, жадные руки. Они хватили за шею, царапали тело. Гошка притих, присмирел, но продолжал идти первым.

У-ух! Ухнул он по пояс в черно-зелёную воду. Обернулся: что делать? Может, вернёмся, а? Уплывал от нас бумажный кораблик.

— Вперёд! — сказал я решительно.— Вперёд, малыш, к океану! Пусть ураганы секут нам глаза, пусть хлещут в нас пули, мы всё равно будем идти туда? куда ведёт нас бумажный кораблик.

И, смеясь, размахивая руками, мы продолжали шлёпать по топкому дну, пока овраг неожиданно не кончился, и мы не увидели залитую солнцем поляну, а в конце её могилу со шпилем, а на шпиле — алую звёздочку.

— Солдатская звёздочка,— сказал шёпотом Гошка.

— Солдатская,— ответил я тихо.

Мы выбрались на берег. На ограде висели венки из ромашки. Совсем ещё свежие.

— «Лётчик Зорин,— прочитал Гошка.— По-гиб в боях за Родина-ну...»

В ромашках жужжали пчёлы.

— Ку-ку,— раздалось где-то в чаще. — Ку-ку, ку-ку...

— Сосчитай, сколько лётчику лет, — сказал я мальчишке.

— Ку-ку — раз... ку-ку — двадцать... ку-ку — семьдесят... ку-ку — сто...

А дальше Гошка считать уже не умел. Мы с ним тоже нарвали ромашек, положили их на могилу, а потом, разглядев в траве тропку, двинулись этой тропкой к мосткам. Здесь мы и распрощались с нашей «рекой» — помахали ей: набирайся сил, пробивайся скорей к океану.

Мы шли травянистой балкой. Густо цвела земляника, звенели кузнечики. Но Гошка

молчал.

— Пап,— сказал он, наконец, и вздохнул: — И я хочу лётчиком. Только моряцким.

Мы присели в тенёчке. Не успел я достать из кармана свёрток, а из свёртка кусок хлеба да лук, как на нас налетел пёс: ам, ам! Ну и ну. Не пёс, а смех один: лохматый, в репьях, коротышка.

На шум вышел дед с берданкой. Лицо высушенное, как у гриба, а борода и усы снеговые. И откуда такой вот волшебный? А старик усмехнулся, обратился к нам:

— Чьи вы, батюшка, будете?

— И дальние,— отвечали мы,— потому что живём во-он в том лесу. У бабушки Фроловны. И близкие, потому что все по одной земле ходим.

— Ишь ты,— шевельнул усами старик.— А пойдёмте-ка, люди добрые, ко мне на бахчу, угощу огурцами.

Кудлашка—дедов пёс — оказался покладистым. Сначала он трусил позади, потом забежал вперёд, начал радостно прыгать, всё старался лизнуть Гошку в самую щёку.

Огурцов на колхозной бахче оказалась тьма-тьмущая. Старик совал нам какие поровнее, похрустче, подставлял банку с мёдом:

— Ешьте, ешьте, с медком хорошо... Мой медок не простой — из подснежников.

— Из подснежников? — удивился Гошка.

— Он самый,— улыбнулся дед.— Пасека у меня с давних пор. Сына всё к ней приучал. Вот как-то он возьми да и заболей. Да так сильно. В бреду, слышу, просит: дай медку мне из снега. Я и так, я и сяк — липового ему и гречишного. Не берёт. А потом меня словно бы стукнуло: дай-ка, думаю, выставлю в рощу колоды пораньше, на поляну к подснежникам. Пчёлы мёду наносили — слезинка. Поднялся сын... — А где же сейчас сын,— спросил его Гошка,— что делает?

— Геологом, батюшка,— оживился дед. — Тут вовсе недалеко, на вышке в урочище Золотое Дно.

— Пап, ну пойдём, пойдём дальше в синие страны. К геологам,— потянул меня Гошка нетерпеливо.

На прощанье дед показал нам дорогу на Золотое Дно, на посёлок Приволье. Наказал заглянуть в его хату, к невестке Варваре, да не забыть передать ей, чтоб она принесла к вечеру молочка.

— Обязательно заглянем в Приволье,— согласились мы с Гошкой. — Побываем у твоей невестки Варвары.

Сунулся было за нами Кудлашка, да передумал.

— Оставайся,— махнули мы на него.

И, опять шли полями, полями. И вдруг — луговина. И над всем — высоченная железная вышка. Тарахтит мотор, гуляет между деревьями эхо.

— Ого,— встрепенулся Гошка. — Это и есть Золотое Дно? Где же работает дедов сын геолог Панкратов? И почему это дно золотое?

Мы подошли к вышке, позвали Панкратова. Вышел здоровенный дядя — вылитый батя. Только моложе. Присели в сторонке, Смотрели, как вертятся трубы, работают люди.

— Ну и как там, отец? — спросил геолог.

— Молока просит,— откликнулся Гошка.— А почему в поле так много маков, их сеяли?

— И не сажали, и не сеяли,— усмехнулся геолог Панкратов.— Сами выросли. Но это, брат, целая история, хочешь, расскажу?

— Ну, конечно! — вспыхнул Гошка и стал усаживаться поудобнее.

— Был здесь сроду непаханный лог,— начал Панкратов.— Чего только не водилось здесь: и шалфей, и пастушья сумка, и зверобой, и глухая крапива. Даже колючий татарник. Как зацветут они — загорится лог жёлтыми, синими, лиловыми пятнами. Однажды пришли сюда люди — удивились: полыхает лог красными маками. Тронули буром землю, а там — чудеса: клады, клады какие, несметные богатства!

Вот так маки и указали дорогу к железной руде...

Панкратов провёл нас на самую вышку. Жаворонки висели у нас прямо над головой. И Гошка стоял, смотрел на поля, красные маки, дубравы, сбегаящие с холмов. Так бы и взмахнул руками, полетел бы в самые синие сины. Вон вдаль темнеют заводы. Стоит светлокаменный город. Во-он бегут машины, тепловозы, перестукиваются вагоны — всё железное, всё пошло от тех красных маков...

Гошка снял с головы пилотку, вновь сделанную из газеты, нарисовал на ней красные маки. И опять шли мы полями, в дальние дали, к невестке Варваре. А эти дали все как будто стояли на месте. Гошка удивлялся и спрашивал, почему в синих странах, как и везде, звёзды алые, маки красные и зелёные огурцы.

— Так это вблизи,— смеялся я,— а вдаль, гляди, всё синее-синее.

— И, правда,— согласился мальчишка.

А кругом были травы, солнце, жаворонки и ветер. Не сдержался я, взял да и придумал первую строчку, а Гошка вторую, а третью вместе. Вот и получились стихи, которые можно и петь, если немножко устанешь. А идти надо ещё и ещё. Вот и пели мы:

Пахнет мёдом, пахнет мятой

Поле луговое.

И шагаем мы, ребята,

Стороной родною.

Так и подошли с песнею до Приволья, до невестки Варвары. Дом у неё оказался из брёвен, с огромным шестом — телеантенна. Хозяйка встретила нас на пороге, руки у неё были жёсткие, серые от земли. Она провела нас в прохладную горницу и, спохватившись, тут же побежала в погреб за молоком. Поставила полную крынку, пододвинула хлеба краюху. И её хлопотные, тяжёлые руки успокоились на столе. Мы с Гошкой смотрели на них и думали: «Вот они-то и делают всё волшебное, мудрое, создают эти необыкновенные синие страны, которые всюду вокруг нас. Мудрые руки, волшебные руки...».

И снова мы были в дороге. За посёлком увидели поле, её, Варварино поле. Оно всё двигалось, всё дышало.

— Здравствуй, поле! — сказал взволнованно Гошка. И когда мы пошли по тропинке и Гошка скрылся в хлебах с головой, оказалось, что вблизи поле синее, потому что синими были ржаные листья и стебли от силы, которую им дали те, кто любил это поле. И синим было небо над нами и одинокое дерево, к которому привела нас тропинка.

— А что даёт людям поле? — спросил шёпотом Гошка.

— Поле? Даёт людям хлеб.

Счастливые, шли рожью и рожью. И идти было весело. А когда поле кончилось, ахнули: перед нами синело озеро. А там, за озером, неизвестно где начиналось такое же синее небо, и сновали в небе стрижи и краснозвёздные самолёты, а пониже весь берег горел от ярких цветов. Мы собирали самые яркие, самые синие.

И теперь уж до станции было рукой подать. Гошка сидел у меня на плече, без конца вертел головой: всё надеялся встретить синичек. Иногда сообщал с высоты, что видит то след паровоза, то дымок заводской трубы. А синичек всё не было. Он первым заметил маму. Она бежала к нам, вытянув руки, летела в своем васильковом платье, как большая синяя птица.

— Глупые,— подбежала она, запыхавшись.— А я жду, жду тут вас на перроне. Телеграмму получали мою?

— На, мам,— сказал ей Гошка, подавая букет.— Это тебе синички прислали.

— Синички? Какие?

— Мы ходили в синие страны. Это совсем-совсем близко, правда, папа? Только страны эти видит не каждый.